

На правах рукописи

Садыкова Разиля Зуфаровна

ВАЛЕНТНОСТЬ ТАТАРСКОГО ГЛАГОЛА

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре теории перевода и речевой коммуникации отделения переводоведения и межкультурной коммуникации Института филологии и искусств ФГАОУ ВПО “Казанский (Приволжский) федеральный университет”

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры современного татарского языка и методики преподавания Института филологии и искусств ФГАОУ ВПО “Казанский (Приволжский) федеральный университет” **Хисамова Фагима Миргалиевна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор ФГОУ ВПО “Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова”
Семенова Галина Николаевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) АН РТ им. Г. Ибрагимова **Тагирова Фариды Инсановна**

Ведущая организация: ФГОУ ВПО “Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева”

Защита диссертации состоится 25 апреля 2013 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО “Казанский (Приволжский) федеральный университет” по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО “Казанский (Приволжский) федеральный университет” по адресу: 420002, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.ksu.ru> и на сайте ВАК МОиН РФ: <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан “ ____ ” марта 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

А. Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Теория валентности относится к наиболее актуальным проблемам современного языкознания, а валентный анализ непосредственно связан с практикой преподавания и изучения языков в лингвистике. Теория валентности сначала была разработана во французском, а затем в немецком языкознании по отношению к глаголу, выполняющему организующую роль в предложении (Л. Теньер, Г. Хельбиг, К.Э. Зоммерфельдт, В. Шенкель, И.-В. Мейнер и другие). В отечественном языкознании теория валентности получила более широкое развитие, по сравнению с работами зарубежных ученых, как в количественном (описание валентности отдельных частей речи), так и в качественном плане (изучение различных уровней валентности). Ей посвятили свои исследования Ю.Д. Апресян, С.М. Кибардина, М.Д. Степанова, Р.С. Амбарцумян, Г.Г. Сильницкий, Н.И. Филичева. В последние годы в современном языкознании уделяется большое внимание разработке общетеоретических проблем валентности, изучению валентностной структуры отдельных частей речи, лексико-семантических групп, о чем свидетельствуют многочисленные публикации ученых-языковедов всего мира. Тем не менее, лингвисты среди всех частей речи выделяют глагол, обладающий сложной и разнообразной семантикой.

Актуальность темы. Настоящая диссертационная работа посвящена изучению валентностных свойств татарского глагола. В татарском языкознании, несмотря на то, что отдельные аспекты проблемы валентности глагола были отражены в научных трудах Д.Г. Тумашевой, Ф.М. Хисамовой, Д.М. Гаптелганиевой, отсутствуют работы по специальному исследованию валентностных свойств глагольной лексики татарского языка. Актуальность выбранной темы также обусловлена ее общетеоретической значимостью. Всестороннее исследование валентности татарского глагола вносит весомый вклад в изучение теории семантического синтаксиса татарского языка. Описание актантной структуры глагольной лексики татарского языка поможет дать исчерпывающее, неизбыточное толкование лексических значений глаголов, описать семантические связи с другими словами, что, в свою очередь, определяется практической потребностью лексикографии татарского языка.

Теоретическая часть диссертации опирается на работы как отечественных языковедов (С.М. Кибариной, Ю.Д. Апресяна, М.Д. Степановой, Р.С. Амбарцумяна, В.Г. Гака, З.У. Блягоза, Э.В. Кузнецовой, Г.Г. Сильницкого, Н.И. Филичевой, В.Г. Адмони, Л.М. Васильева, Б.А. Абрамова, Р.М. Гайсиной, Т.А. Кильдибековой, В.С. Храковского), так и зарубежных исследователей (Л. Теньера, Г. Хельбига, К.Э. Зоммерфельдта, В. Шенкеля, Иоганна-Вернера Мейнера и других). При исследовании были использованы труды известных тюркологов, включая татарских лингвистов, таких как Н.К. Дмитриев, Г. Алпаров, Э.Р. Тенишев, В.Н. Хангильдин, Д.Г. Тумашева, М.З. Закиев, Ф.А. Га-

ниев, Ф.С. Сафиуллина, Ф.М. Хисамова, Г.К. Кулиев, М.Г. Усманова, М. Оразов.

Объектом исследования является комплексное изучение валентностных свойств основных лексико-семантических групп глаголов в татарском языке.

Предметом исследования выбраны валентностные структуры (семантические, морфологические характеристики актантов; значения сирконстантных окружений) двух основных лексико-семантических групп глаголов татарского языка, занимающих центральное место в глагольной лексике: глаголов движения и глаголов действия.

Целью исследования является описание системы валентностных категорий татарского языка и выявление их специфики.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) на основании изучения общетеоретических проблем (истории развития валентности, двух концепций теории валентности, семантики глагола) выявить главные достижения лингвистов в этой области;

2) определить теоретические основы концепции валентности для выявления состава и семантики валентностей глаголов татарского языка;

3) описать валентностные свойства глаголов движения и действия в татарском языке;

4) проанализировать структурно-грамматические способы выражения актантов и распространителей при глаголах;

5) выявить отличительные особенности проявления валентностных свойств татарского глагола в сопоставительном аспекте.

Положения, выносимые на защиту:

1. Валентность является точкой пересечения теории лексической семантики и синтаксической структуры текста. Валентностные свойства, особенности реализации семантических актантов, сирконстантных окружений глагола напрямую зависят от лексико-грамматических категорий глагола, свойственных конкретному языку. В татарском языке валентностные характеристики глагола обусловлены наличием особенностей залоговых форм глагола, большим разнообразием синтаксических структур предложения.

2. Авалентные глаголы в татарском языке могут быть распространены в безличных предложениях или в двучленных конструкциях, указывающих на целостные события. Пассивная валентность в татарском языке образуется с помощью страдательного залога глагола и послелогов *тарафыннан*, *белән*. Множественный субъект употребляется с симметричными предикатами, выраженными в татарском языке взаимно-совместным залогом.

3. В татарском языке наблюдаются явления несоответствия содержательной валентности предиката валентности глагола, что обусловлено наличием включенных актантов в семантике глагола. Образование новой валентности в татарском языке наиболее ярко представлено в глаголах действия, отличающихся большим разнообразием каузативных структур, которые образованы с помощью понудительного залога.

4. В татарском традиционном синтаксисе сентенциальные предложения получили широкое распространение благодаря большому разнообразию синтетических придаточных предложений, отсутствующих в русском языке.

Материалом исследования послужили примеры, полученные методом выборки из “Толкового словаря татарского языка” под редакцией Л.Т. Махмутовой, М.Г. Мухаммадиева (1977), “Русско-татарского словаря словосочетаний для учащихся” Х.Г. Агишева, Л.Х. Гайнуллиной (2002), текстов художественных произведений современных татарских прозаиков (Г. Абсаямова, Ш. Маннура, Г. Ахунова, М. Магдиева, А. Файзи, А. Шамова, Н. Гиматдиновой и других) и писателей начала XX века (Г. Исхаки, К. Тинчурин, Г. Тукая, Г. Ибрагимов), а также публицистических произведений.

Задачи и общее направление исследования обуславливают применение соответствующих **методов**: компонентного анализа лексического значения глагола, количественного анализа с целью определения валентностных вариантов глагола. Наряду с этими методами в работе применяется также контекстуальный метод (актантный, валентный), метод сравнения и сопоставления, дистрибутивный анализ.

Научная новизна. Данная диссертационная работа представляет собой первый опыт исследования валентностных свойств двух основных лексико-семантических групп глаголов татарского языка: глаголов движения и глаголов действия. В результате детального анализа разработаны валентностные структуры данных семантических групп глаголов с учетом их семантики: принадлежности к тому или иному лексико-семантическому полю (глаголы движения с общим значением, глаголы направления движения, глаголы способа движения, глаголы общего действия, глаголы созидания, глаголы разрушительного действия, глаголы творческой деятельности, глаголы физиологического действия). Проведен дистрибутивный анализ глаголов: описаны морфологические характеристики предиката и актантов. В работе также выявлены отличия валентностных свойств глаголов татарского языка от флективных языков (особенности образования новой валентности с помощью синтетических маркеров, “сдвиг” актантов, наличие включенных актантов и так далее). В диссертации определены дальнейшие направления исследования валентности татарского глагола и других частей речи.

Теоретическая значимость работы обусловлена ее научной новизной. Проведенное исследование вносит существенный вклад в изучение семантики татарского глагола. Результаты анализа особенностей валентностных свойств татарской глагольной лексики могут быть также использованы в изучении теории валентности общего языкознания.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут представлять интерес не только для филологов, но и для широкой аудитории носителей языка. Учитывая те факты, что теория валентности тесно связана с методикой преподавания языка, данная работа может послужить основой для проведения практических занятий по татар-

скому языку в вузе, школе как в русскоязычных аудиториях, так и при обучении родному языку. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в преподавании курса теоретической грамматики татарского языка при изучении отдельных форм грамматических категорий частей речи, а также семантических признаков и тематических групп глаголов. Перспективность работы заключается в том, что результаты исследования могут учитываться при составлении словаря валентности татарских глаголов на семантической основе, а также в разработке двуязычных словарей.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в статьях и тезисах, опубликованных в докладах и сообщениях на конференциях различных уровней: Международной научной конференции “Чувашский язык и современные проблемы алтаистики”, посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 2009); на Международной тюркологической конференции “Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков”, посвященной памяти академика Д.Г. Тумашевой (Казань, 2011); на Всероссийской научно-практической конференции “Инновационное развитие агропромышленного комплекса” (Казань, 2011); на итоговой конференции аспирантов ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова (Казань, 2008). По материалам исследования опубликовано шесть научных публикаций, в том числе одна статья в ведущем рецензируемом журнале ВАК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи работы, теоретическое и практическое значение исследования.

Первая глава диссертации “Теоретические аспекты исследования валентности глагола в общем, русском и татарском языкознании” посвящена истории развития теории валентности. В ней представлен анализ двух концепций теории валентности (синтаксической и семантической), рассмотрен вопрос об актантах и распространителях предложения, об обязательности и факультативности валентности, описаны методы и аспекты теории валентности.

Во второй главе диссертации “Валентностные свойства глаголов движения” и **в третьей главе** “Валентностные свойства глаголов действия” дается характеристика выделенных типов глаголов: их лексической семантики, валентностной структуры, особенностей реализации валентности в татарском языке, сочетаемости с распространителями.

В заключении обобщаются результаты исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава “Теоретические аспекты исследования валентности глагола в общем, русском и татарском языкознании” содержит обзор исследований валентности в зарубежной и отечественной лингвистике.

В разделе 1.1 “О понятии валентности” описаны история развития теории валентности, понятие валентности в трактовке современных ученых, две концепции теории валентности.

“Довалентностный” период развития теории валентности восходит к трудам ученых древности (Аполлоний Дискол, Аристотель), а затем в рамках философской грамматики возникают новые идеи, предвосхитившие учение о валентности (Иоганн-Вернер Мейнер, Карл Бюлер и Карл Боост). Впервые в истории языкознания французский лингвист Л. Теньер вводит понятие валентности глагола, сравнивая актанты, управляемые глаголом, с атомными связями химического элемента¹. В отечественном языкознании термин “синтаксическая валентность” ввел в 1948 году С.Д. Кацнельсон. Он охарактеризовал валентность как свойство слова некоторым образом реализовываться в предложении, вступать в определенные комбинации с другими словами².

Проблемой теории валентности занимались как отечественные, так и зарубежные ученые. Во всем мире известны труды ученых-германистов: Г. Бринкмана, Й. Эрбена, В. Шмидта, Г. Хельбига, В. Шенкеля, В. Бондцио, К.Э. Зоммерфельдта, Х. Шрайбера, В. Флемига, Р. Бройера, Б. Латура, У. Энгеля, Г. Шумахера и других. В отечественной лингвистике проблемы теории валентности получили также широкое развитие. Ей посвятили свои научные труды такие известные ученые, как В.Г. Адмони, М.Д. Степанова, С.М. Кибардина, Ю.Д. Апресян, Н.И. Филичева, Л.М. Васильев, Б.А. Абрамов, И.Б. Долинина, О.И. Мосальская, Г.Г. Сильницкий, В.С. Храковский, Р.С. Амбарцумян и другие.

В татарском языкознании на проблему валентности одной из первых обратила внимание профессор Д.Г. Тумашева. В своей работе Д. Г. Тумашева дает определение валентности глагола. Ученый-лингвист Ф.М. Хисамова трактует понятие валентности как возможность глагола вступать в определенные комбинации с различными объектами³.

Основоположник теории валентности Л. Теньер не указал, что представляет собой валентность – содержание или форму. В связи с этим возникают два

¹ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. / Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – С. 250.

² Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. – 1948. – № 2. – С. 114–134.

³ Хисамова Ф.М. Татар теле һәм морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек / Ф.М. Хисамова. – Казан: Мәгариф, 2006. – Б. 165.

направления в теории валентности: “синтаксическое течение” (М.Д. Степанова, В.Г. Адмони, Г. Хельбиг, В. Шенкель) и “семантическое течение” (С.Д. Кацнельсон, Ю.Д. Апресян, С.М. Кибардина, Н.Д. Арутюнова, В.В. Бондцио, В.В. Гуревич, К. Зоммерфельдт). Одни ученые во главу угла ставили сочетательную способность единиц языка, не учитывая семантику слов, другие же обращали внимание прежде всего на лексическое значение слова. Возникновение двух направлений привело к разграничению четырех уровней валентности, а именно: *логическая валентность*, имеющая универсальный характер; *семантическая валентность*, зависящая от принадлежности к определенному семантическому классу; *синтаксическая валентность*, предполагающая наличие определенного количества аргументов у предиката; *прагматическая валентность*, связывающая элементы предложения остального контекста. В последние годы лингвисты признают семантическую обусловленность валентности. В частности, Ю.Д. Апресян в своей работе “Экспериментальное исследование семантики русского глагола” приводит подробную классификацию “семантических валентностей”: 1) субъект (Sub), 2) контрагент (Contr), 3) объект (Obj), 4) содержание (Content), 5) адресат (Adres), 6) получатель (Recip), 7) посредник (Via), 8) место (Loc), 9) начальная точка (Ad), 10) конечная точка (Ab), 11) маршрут (Itin), 12) средство (Med), 13) инструмент (Instr), 14) способ (Mod), 15) цель (Dest) и другие⁴.

В разделе **1.2 “Актанты и распространители предложения”** приведен обзор терминов, используемых для описания валентности слова, даны определения обязательных и факультативных актантов.

Ученые-языковеды по количественному составу актантов различают в разных языках от четырех до семи групп глаголов: авалентные, одновалентные, двух-, трех-, ... шестивалентные глаголы (Л. Теньер, Ю.Д. Апресян, Д.Г. Тумашева, М. Оразов, В.С. Султанов).

В диссертации имеются ссылки на работы Ф.С. Сафиуллиной, С.Д. Кацнельсона, Г. Бринкмана, Л. Теньера, В.С. Султанова, М. Оразова, в которых рассматривались история изучения безличных предложений, проблемы глаголов с нулевой валентностью. Автор данного исследования приходит к выводу, что авалентные глаголы встречаются в безличных предложениях, что обусловлено отсутствием личных форм у глагола (*Салкынайты ‘Похолодало’; Туңдырды ‘Подморозило’*) или в двучленных предложениях, выражающих целостные события (*Таң ата. – ‘Светает’*). Однако в предложении *Калтырата ‘Знобит’* предикат моновалентен, так как имеется указание на одушевленный предмет.

В зависимости от связи глагола с актантами различают обязательные и факультативные актанты. Если в предложении при опущении (элиминации) анализируемого слова нарушается грамматичность фразы, то данный член предложения является обязательным актантом. Факультативные актанты при

⁴ Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – С. 24.

элиминации не влияют на “правильность” фразы, но дополняют значение глагола, восстанавливаются из контекста, так как являются валентно-связанными глаголами. Обязательным и факультативным актантам ученые-языковеды противопоставляют сирконстанты – компоненты предложения, не конституирующие валентностную структуру глагола. В данном исследовании автор придерживается концепции С.М. Кибардиной о типах актантов, так как этот подход позволяет получить достаточную картину валентности глагола и выделить каждый валентностный вариант глагола.

В разделе *1.3 “Некоторые проблемы теории валентности”* изложены основные проблемы теории валентности: проблема определения понятия валентности, соотношение модели валентности и модели управления, проблема обоснования и трактовки валентностных свойств; проблема разграничения обязательности и факультативности актантов, свободных распространителей; вопросы о соотношении категорий теории валентности с категориями традиционной грамматики (членами предложения и частями речи), проблемы разграничений видов валентностей.

В отношении проблемы разграничения модели валентности и управления многие исследователи придерживаются мнения, что валентность – синтаксическое явление, широко мотивированное семантически, а управление – это явление синтаксико-морфологическое, более низкого уровня, чем уровень членов предложения (М.Д. Степанова, М. Оразов, У.У. Юлдашева). В татарском языке мы также находим примеры несоответствия модели валентности и управления. Например, в предложении *Мин әнигә хат язам.* – ‘Я пишу маме письмо’ глагол *язам* управляет двумя объектами: ‘хат’ и ‘әнигә’. Но имеет всего одну объектную валентность ‘хат’ (2 – Obj).

При описании типов валентностей языковеды различают формальную и содержательную, пассивную (субъект – синтаксически подчиненный элемент) и активную (объект – ведущее слово) валентности (С.Д. Кацнельсон, Б.М. Лейкина, С.М. Кибардина, В.С. Султанов). Так, в глаголах татарского языка типа *көрәү* ‘копать’, *казу* ‘копать’, *тырмалау* ‘бороновать’ (формально – двухвалентных, содержательно – трехвалентных) одна из глагольных валентностей (валентность инструмента) скрыта в значении глагола и непосредственно не выражается. В татарском языке пассивную валентность обычно имеют страдательные формы глаголов, а второй актант сопровождается послелогом *тарафыннан*, *белән* (В.Н. Хангильдин, Ф.М. Хисамова). Например: *1552 нче елда Казан* (1-й актант) *Иван Грозный тарафыннан* (2-й актант – пассивная валентность) *басып алына.* (А. Гыйләжетдинова) – ‘В 1552 году Казань была завоевана Иваном Грозным’.

В теории валентности также встречается явление множественного субъекта, соответствующее симметричным предикатам. Последние в татарском языке маркируются специальными аффиксами, соответствующими взаимно-совместному залогу: *-и-* (*-ыш-/-еш-*). Например: *Марат белән Азат* (множественный субъект) *сугышалар.* – ‘Марат и Азат дерутся’.

В разделе 1.4 “Методы и аспекты описания валентности, терминология” изложены методика описания валентности, рассмотрены используемые термины.

Ученые при исследовании валентности конкретного глагола базируются на концепции С.Д. Кацнельсона и положениях, изложенных в трудах С.М. Кибардиной, Ю.Д. Апресяна, Г. Хельбига. Данный подход предполагает определение элементов, способных соединиться с данным глаголом (актанты), и компонентов предложения, не предполагаемых его валентностью (сирконстанты, или распространители). После установления количества и состава валентностей им присваиваются номера по степени синтаксической обязательности, определяя таким образом факультативные и обязательные актанты. Далее актантам назначаются семантические валентности, в соответствии с их ролевыми признаками, а распространителям – семантические значения.

В работе приводится предполагаемый образец словарной статьи:

Тегу – шить, зашивать

1 – Sub	2 – Obj	3 – Instr	4 – Med
S _{Б. к.}	S _{Г. к.}	S _{У.-в. к.}	S _{Б. к. белән*}

В разделе 1.5 “Семантика глагола” рассматриваются понятие категориального значения глагола, различные глагольные классификации в плане их использования при описании валентности глаголов.

При изучении валентностных свойств глагола основой является анализ его лексической семантики, определение его принадлежности к семантическим группам, характеризуемым полевой структурой. В работах многих отечественных лингвистов, изучавших семантический аспект глагола, утверждается мнение о центральном положении предиката как содержащего в себе макет будущего предложения, а понятия действия, процесса и движения – как категориальные значения (В.В. Виноградов (1953), С.Д. Кацнельсон (1972), В.Г. Гак (1977), А.М. Мухин (1987)). Слова объединяются в лексико-семантические группы (ЛСГ). ЛСГ неоднородна по составу: в ней есть ядро, характеризующее общее значение, и периферийные элементы, совмещающиеся с категориальным значением⁵.

* В данной работе принимаются следующие обозначения: S – основа существительного или личного местоимения, V – глагол в личной форме. Подстрочные маленькие латинские буквы обозначают падежи (Б. к. – Баш килеш ‘Именительный падеж’, Ю. к. – Юнәләш килеше ‘Направительный падеж’, Ч. к. – Чыгыш килеше ‘Исходный падеж’, У.-в. к. – Урын-вакыт килеше ‘Местно-временной падеж’, Т. к. – Төшем килеше ‘Винительный падеж’). Надстрочные цифровые индексы используются для нумерации различных элементов одного класса в пределах фразы. Послелого сохраняются в своем обычном виде. За основу положены обозначения, используемые в книге Ю.Д. Апресяна “Экспериментальное исследование семантики русского глагола”.

⁵ Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отн-я, 1977. – С. 150.

В языкознании также существует глагольная классификация по отсутствию/наличию объекта: субъектные, объектные, субъектно-объектные глаголы (С.М. Кибардина, А.А. Уфимцева).

В тюркологии тематические группы глаголов изучались Н.К. Дмитриевым, Э.Р. Тенишевым, Ф.А. Ганиевым, Г.К.Кулиевым, М. Оразовым, М.Г. Усмановой и другими.

В татарском языкознании семантические разряды глаголов впервые исследованы Ф.А. Ганиевым, затем Д.Г. Тумашевой, Р.К. Иштановой.

Среди работ тюркологов в области изучения семантики глагола в данном аспекте заслуживает внимание исследование М.Г. Усмановой, в котором рассматривается функционально-семантическое членение глаголов и их иерархическое строение: глаголы действия и состояния выделяются как первый уровень дифференциации; глаголы собственно действия, глаголы речи и глаголы движения – как второй уровень⁶. В данной диссертационной работе также используется семантическая классификация глаголов, предложенная учеными-тюркологами Ф.А. Ганиевым и М.Г. Усмановой.

Вторая глава “Валентностные свойства глаголов движения в татарском языке” состоит из четырех разделов.

Раздел **2.1 “Общая характеристика глаголов движения в татарском языке”**.

Движение является неотъемлемым свойством материи. Поэтому при анализе глаголов движения многие ученые-языковеды опираются на основные положения классической механики (В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова, А.В. Исаченко, З.У. Блягоз, Э.Р. Тенишев, Ф.А. Ганиев, Е.С. Кубрякова). Если в кинематике изучают формы движения, физические величины, то в лингвистике данные понятия соответствуют категории направления движения, а в динамике понятие силы, воздействующей на тело, соотносится с категорией зависимости/независимости движения. В.Г. Гак при рассмотрении семантических категорий глаголов движения вводит описания: категории А, состоящей из двух субкатегорий: А₁ (самостоятельное движение), А₂ (несамостоятельное движение); категории В, включающей субкатегории: В₁ (наличие/отсутствие направленности), В₂ (изменение маршрута), В₃ (движение с точки зрения наблюдаемого лица), В₄ (пространственное отношение между двумя движущимися предметами); категории С – способа передвижения⁷. Таким образом, главными семантическими признаками глаголов движения являются направление движения, скорость, трасса движения, способ, исходный и конечный пункты.

Тюрколог М.Г. Усманова глаголы движения подразделяет на две большие группы: глаголы направленного движения и глаголы ненаправленного

⁶ Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Уфа, 2002. – С. 5–6.

⁷ Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отн-я, 1977. – С. 155–161.

движения (глаголы движения с общим значением, глаголы с характеристикой способа передвижения, глаголы вращательного движения и так далее)⁸. Автор настоящей диссертационной работы рассматривает три основные группы глаголов движения: с общим значением, направленного движения и способов движения.

Раздел 2.2 “Валентностная структура глаголов движения с общим значением в татарском языке”.

В рассматриваемую подгруппу входят глаголы, не имеющие указания на направление движения: *йөрү* ‘ходить’; *күчү, күченү* ‘переезжать’; *үтү, узу* ‘пройти’; *кичү* ‘перейти’; *хәрәкәт итү* ‘двигаться’. В абсолютном смысле и в случае употребления в переносном смысле данные глаголы являются одновалентными ($S_{Б.к.}^1 V \sim$ *трамвай йөри* ‘трамвай ходит’; *гомер уза* ‘жизнь проходит’). Часто встречается семантическая валентность места (Loc), выраженная в форме ‘имя существительное в именительном падеже + послеложное слово *эчендә, тирәсендә, астында, өстендә*’ ($S_{Б.к.}^1 S_{Б.к.}^2$ *тирәсендә V* ~ *өй тирәсендә йөри* ‘ходит возле дома’) или валентность маршрута (Itin) в форме ‘имя существительное в именительном падеже + послелог или послеложное слово *буйлап, буенча, аркылы, алдыннан, артыннан*’ ($S_{Б.к.}^1 S_{Ч.к.}^2$; $S_{Б.к.}^1 S_{Б.к.}^2$ *буйлап V* ~ *урамнан трамвайлар уза* ‘по улице ходят трамваи’; *урам буйлап трамвайлар йөри* ‘по улице ходят трамваи’). Реже реализуется валентность конечной точки движения или цели, а также одновременное употребление двух актантов ($S_{Б.к.}^1 S_{Ю.к.}^2 V$ ~ *ул табибкә йөри* ‘он ходит к врачу’; $S_{Б.к.}^1 S_{Ю.к.}^2 S_{Ю.к.}^3 V$ ~ *елгага (балыкка) йөри* ‘ходит на речку (на рыбалку)’), инструментальная валентность ($S_{Б.к.}^1 S_{У.-в.к.}^2 V$ ~ *велосипедта йөри* ‘ездит на велосипеде’). Особо выделяется глагол *кичү* ‘перейти’ со сдвинутыми формами актантов – локальная валентность выражена в форме винительного или именительного падежа: *Идел кичү* ‘перебраться через Волгу’; *сугыш газабын кичү* ‘перенести ужасы войны’.

Сирконстанты с семантикой образа действия наиболее типичны для глаголов движения с общим значением: *Бүгенге төн дә тынычсыз* (с. обр. д.)** *үтте*. (К. Нәҗми) – ‘Сегодняшняя ночь также прошла тревожно’.

Встречается одновременное употребление сирконстантов (времени и образа действия, уступительности и образа действия):

1) *Разведчиклар куаклыкка кERGACH* (с. вр.), *тын гына шуышып* (с. обр. д.), *фронт сызыгына үттеләр*. (Ф. Зыятдинов) – ‘Оказавшись в зарослях кустарников, разведчики бесшумно ползком перешли через линию фронта’.

2) *Әле сон булмавына карамастан* (с. уст.), *урамнарда халык аз* (с. обр. д.) *йөри*. (А. Расих) – ‘Несмотря на неопозднее время, по улицам ходит мало народу’.

⁸ Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Уфа, 2002. – С. 32–35.

** В данной работе принимаются следующие обозначения: с. – сирконстант, вр. – времени, обр. д. – образа действия, ц. – цели, м. – места, уст. – уступительности.

У глаголов движения отсутствуют сирконстанты места: обстоятельства места реализуются пространственными актантами, что еще раз подтверждает несоответствие членов предложения в синтаксисе актантам, сирконстантам в теории валентности.

Раздел 2.3 “Валентностная структура глаголов направленного движения в татарском языке”.

К глаголам направленного движения в татарском языке относятся следующие глаголы: *килу* – ‘приходить’, *кайту* – ‘возвращаться’, *юнәлу* – ‘направляться’, *якынлашу* – ‘приближаться’, *чыгу* – ‘выходить’, *авышу* – ‘наклониться’, *бату* – ‘тонуть’, *менү* – ‘подниматься’, *күтәрелү* – ‘подниматься’, *керү* – ‘входить’, *бару* – ‘идти’, *төшү* – ‘спускаться’⁹.

Глаголы направленного движения в татарском языке чаще всего бывают трехвалентными: *Гөлиәһидә* (1° – Sub) *тимер капкадан* (2° – Ad) *бакчага* (3° – Ab) *керде*. (Г. Әпсәләмов) – ‘Гульшахида зашла в сад через железные ворота’. Несколько реже встречается указание на промежуточные пункты: *Без* (1° – Sub) *әкрән генә авыл урамыннан* (2° – Itin) *барабыз*. (М. Әмир) – ‘Мы неспешно идем по деревенской дороге’.

В рассматриваемой группе особенно часто реализуется актант, называющий конечную точку движения и имеющий сложную семантику: *Ә теге көнне Асия туп-туры өйләренә* (3° – Ab) *кайтты*. (Р. Мөхәммәдиев) – ‘А в тот день Асия напрямик вернулась домой’.

Глаголы направления могут употребляться с актантом, обозначающим цель движения: *Син, аллаяр Суфый, күзләреңне каратырга* (2° – Dest) *аңа* (3° – Ab) *барысың*. (К. Тинчурин) – ‘Ты, Суфый, проверять глаза пойдешь к нему’.

Очень редко реализуется актант, называющий начальную точку движения: *Фая дигәннәре, ниһаять, киенеп бетеп чаршау артыннан* (2° – Ad) *чыкты*. (Н. Гыймәтдинова) – ‘Та, которую называли Фаей, наконец-то, одевшись, вышла из-за занавески’.

В татарском языке глаголы направленного движения могут быть пятивалентными. Например, в предложении *Ул Казаннан Санкт-Петербургка Мәскәү аша поезд белән бара* – ‘Он из Казани в Петербург едет на поезде через Москву’ глагол *бара*₄₊₍₁₎ – ‘едет’ реализует кроме субъекта 1° – Sub (Ул ‘Он’) три пространственных актанта (начальной точки, конечной точки и маршрута): 2° – Ad (Казаннан ‘из Казани’), 3° – Ab (Санкт-Петербургка ‘в Санкт-Петербург’), 4° – Itin (Мәскәү аша ‘через Москву’) и факультативный актант средства передвижения, выраженный словосочетанием *поезд белән* ‘на поезде’.

Таким образом, определяющую роль в валентности глаголов направленного движения играют пространственные компоненты. Например, в предложении *Ул мәктәптән өйгә парк аша кайта*. – ‘Он возвращается из школы домой

⁹ Иштанова Р.К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002. – С. 97.

через парк' глагол *кайта*₃ – 'возвращается' реализует все три пространственных актанта (начальной точки, конечной точки и маршрута): 2° – Ad (*мәктәптән*), 3° – Ab (*өйгә*), 4° – Itin (*парк аша*).

Однако сочетание всех трех пространственных актантов (начальной, конечной точек и промежуточной зоны) встречается крайне редко.

Среди глаголов направленного движения выделяются глаголы, обозначающие несамостоятельное движение (A₂) и значение 'быть доставленным' (B₁): *Ике көннән почта аша Рамазан Закиров исеменә открытка килде.* (Н. Гыйматдинова) – 'Через два дня по почте на имя Рамазана Закирова пришла открытка'. Глагол *килде*₃ 'пришла' употреблен с неодушевленным субъектом (1° – Sub (*открытка*)) и двумя актантами, называющими адресата и посредника (2° – Adr (*Рамазан Закиров исеменә 'на имя Рамазана Закирова'*), 3° – Via (*почта аша 'по почте'*)).

Актанты глаголов направленного движения в татарском языке бывают выражены в исходном, направительном падежах и сочетаются с послелогоми *буена*, *таба* – 'к', *каришы* – 'навстречу', *кадәр*, *хәтле* – 'до', *чаклы* – 'до', *алдына* – 'перед', *артыннан* – 'из-за', *артына* – 'за', *эченә* – 'в', *эченнән* – 'из', *астына* – 'под', *астыннан* – 'из-под'.

Глаголам данной подгруппы соответствуют следующие сочетаемостные формулы: 1) S¹_{Б.к.} V ~ *дау бара 'идет полемика'*; 2) S¹_{Б.к.} S²_{Б.к.} буенча V, S¹_{Б.к.} S²_{Ч.} V ~ *коридор буенча бара 'ходит по коридору'*, *юлдан бара 'ходит по дороге'*; 3) S¹_{Б.к.} S²_{Ю.к.} таба V, S¹_{Б.к.} S²_{Ю.к.} V, S¹_{Б.к.} S²_{Ю.к.} кадәр V, S¹_{Б.к.} S²_{Б.к.} буена V, S¹_{Б.к.} S²_{Б.к.} артыннан V ~ *өенә таба бара 'идет по направлению к дому'*, *Мәскәүгә бара 'едет в Москву'*, *мәктәпкә кадәр бара 'идет до школы'*, *елга буена бара 'идет на речку'*, *балалар артыннан бара 'идет за детьми'*; 4) S¹_{Б.к.} S²_{Ч.к.} S³_{Ю.к.} S⁴_{Б.к.} белән V ~ *Мәскәүдән Казанга (поезд белән) кайта 'из Москвы в Казань возвращается на поезде'*; 5) S¹_{Б.к.} S²_{Ч.к.} S³_{Ю.к.} S⁴_{Б.к.} аша V ~ *Казаннан Петербургка (самолет белән) Мәскәү аша кайта 'из Казани до Петербурга возвращается на самолете через Москву'*.

Распространители с семантикой времени являются наиболее типичными для глаголов направленного движения: *Язгы ташулар узгач (с. вр.), жир-су кибеп килгәндә (с. вр.), этэй кайтты.* (Ш. Маннур) – 'По прошествии весенних паводков, когда начали высыхать угодья, вернулся отец'. К распространителям глаголов направленного движения также относится образ действия: *Куанып (с. обр. д.) алар янына менәм.* (Ш. Маннур) – 'Обрадовавшись, поднимаюсь к ним'.

Раздел 2.4 "Валентностная структура глаголов способов движения в татарском языке".

В это поле входят следующие глаголы: *йөзү* 'плавать', *очу* 'летать', *атта бару* 'ехать на лошади', *жәяү бару* 'идти пешком', *агу* 'течь', *үрмәләү* 'ползти', *мүкәләү* 'двигаться на четвереньках', *атлау* 'шагать', *шуу* 'кататься', *шуышу* 'скользить', *йөгөрү* 'бегать' и другие.

Глаголы способов движения, так же как и глаголы движения с общим значением, могут употребляться абсолютно и быть одновалентными: *Ул йөзә. – ‘Он плавает’*. Однако на глубинном семантическом уровне они являются содержательно неодновалентными глаголами, так как актанты восстанавливаются из ситуации и контекста: *Һәм менә алар (1° – Sub) бер-берсенең кулларыннан тотып, порт дамбасы буйлап (2° – Loc) баралар... Алар сөйләшимичә атлыйлар. (Г. Әпсәләмов) – ‘И вот, взявшись за руки, они идут вдоль портовой дамбы... Они шагают молча’*.

Инструментальная валентность для некоторых глаголов способов движения (*шуу, йөзү, очу*) является обязательной. Например, в предложении *Айлы кичләрдә яшьләр көймәдә йөзәләр, гармун моңына жырлыйлар иде. (Г. Кашшаф) – ‘Лунными вечерами молодежь каталась на лодках, пела песни под гармонию’* глагол *йөзәләр иде*₂ ‘каталась’ имеет две обязательные валентности: 1° (субъектную) – Sub (*яшьләр*) и 2° (инструментальную) – Instr (*көймәдә*).

В русском языке глаголы представлены видовыми парами: *бежать – бегать, идти – ходить, лететь – летать, плыть – плавать*. В татарском языке отсутствует категория вида: *очу – ‘лететь, летать’; йөзү – ‘плавать, плыть’*; в речи употребляется только одна пара: *йөрү – бару*. Следовательно, эти глаголы реализуют и большее количество семантических конструкций. Интерес в татарском языке представляет актант, указывающий на маршрут движения (Itin), выраженный в предложениях словосочетаниями типа *местоимение или существительное в именительном падеже + послеложное слово (артыннан, алдыннан)*.

Глаголам способов движения можно поставить в соответствие следующие конструкции: 1) $S^1_{\text{Б. к.}} V \sim \text{ул йөгәрә}$; 2) $S^1_{\text{Б. к.}} S^2_{\text{У.-в. к.}} V, S^1_{\text{Б. к.}} S^2_{\text{Б. к. белән}} V \sim (\text{көймәдә}) \text{йөзә, (самолет белән) оча}$; 3) $S^1_{\text{Б. к.}} V S^2_{\text{У.-в. к.}} \sim \text{елгада йөзә}$; 4) $S^1_{\text{Б. к.}} S^2_{\text{Б. к. белән}} S^3_{\text{Ч. к.}} S^4_{\text{Ю. к.}} V \sim (\text{самолет белән}) \text{Казаннан Мәскәүгә оча}$; 5) $S^1_{\text{Б. к.}} S^2_{\text{Б. к. белән}} S^3_{\text{Ч. к.}} S^4_{\text{Ю. к.}} S^5_{\text{Б. к. аша}} V \sim \text{Казаннан Петербургка (самолет белән) Мәскәү аша оча}$.

Для глаголов способов движения наиболее типичным является распространитель, указывающий на образ действия: *Елардай булып өйгә йөгәрәм (Ш. Маннур) – ‘Бегу домой чуть не плача’*.

Данное явление связано, прежде всего, с особенностями семантики глаголов движения и способов движения в татарском языке.

Третья глава “Валентностные свойства глаголов действия в татарском языке” состоит из семи разделов.

В разделе **3.1 “Общая характеристика глаголов действия в татарском языке”** приводятся семантические признаки глаголов действия в татарском языке.

Как утверждает Н.Д. Арутюнова, действие предполагает определенные фазы жизненного цикла: постановка цели, выбор средств, принятие решения,

само действие, результат¹⁰. Обзор работ, посвященных глаголам действия, позволил сделать вывод о том, что основными признаками рассматриваемой ЛСГ являются: переходность, каузативность, активность, целесообразность, воздействие субъекта на объект (В.Г. Гак, С.Л. Сахно, Н.Д. Арутюнова). Глаголы действия характеризуются наличием в их структуре следующих признаков: переходность, каузативность, активность, целесообразность, объектность.

Известный ученый-тюрколог Ф.А. Ганиев отмечает, что в татарском языке объектами действия могут быть разные структуры: создаваемый объект (*кием тегү* ‘шить одежду’, *курчак ясау* ‘делать куклу’, *завод төзү* ‘строить завод’); объект изменяемый (*бүрәнә юну* ‘тесать бревно’, *каләм очлау* ‘точить карандаш’); объект разрушаемый, уничтожаемый (*шешәне вату* ‘разбить бутылку’)¹¹.

Грамматические формы глаголов действия в татарском языке отличаются большим разнообразием, в отличие от других тематических групп. Центральное место среди этих форм занимают каузативные структуры, которые образуются с помощью возвратного, понудительного и страдательного залогов. Д.Г. Тумашева определяет категорию залога как выражение в форме глагола отношения процесса к субъекту действия¹².

В данном исследовании рассматриваются следующие группы глаголов действия: глаголы общего действия, глаголы созидания и разрушения, глаголы физиологического действия, глаголы воздействий, вызывающих изменения в объектах, и глаголы творческой деятельности.

Раздел 3.2 “*Валентностная структура глаголов общего действия в татарском языке*”.

В рассматриваемую подгруппу входят глаголы, обозначающие действие вообще: *эшләргә* ‘работать’, *башкару* ‘выполнять’, *үтәү* ‘исполнять’, *шөгьльләнү* ‘заниматься’, *маташу* ‘возиться’, *укытучылык итү* ‘учительствовать’. Ядерным глаголом среди них является глагол *эшләргә*, который чаще всего выступает одновалентным глаголом, не характеризующимся грамматическим признаком переходности: *Ул эшли.* – ‘Он работает’. Рассматриваемые глаголы редко реализуются как объектные: *Кызу печән өсте иде, Таифә эбинең уллары* (1° – Sub) *бөтен гаиләләре белән олы Илек тугайлыгында куна ятып печән* (2° – Obj) *эшилиләр.* (З. Бишшева) – ‘Стояла горячая пора сенокоса, сыновья бабушки Таифы вместе со своими семьями, с ночевками, на поймах реки Тугай заготовливали сено’.

¹⁰ Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 4.

¹¹ Ганиев Ф.А. Семантические разряды глаголов татарского языка // Исследования по татарскому языкознанию. – Казань, 1984. – С. 78–79.

¹² Татарская грамматика. Т. II. Морфология / Редакционная коллегия: М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 75.

Одновалентные субъектные глаголы несколько чаще встречаются с распространителями, чем остальные группы. Поэтому в примерах с глаголами общего действия мы наблюдаем одновременное употребление нескольких сирконстантов: *Без инде һәр жәйне (с. вр.) шулай (с. обр. д.) эшлибез.* (М. Мәдиев) – ‘Мы уж каждое лето так работаем’.

Раздел 3.3 “**Валентностная структура глаголов созидания в татарском языке**”.

В татарском языке в это поле входят следующие глаголы: *төзү* ‘строить’, *ясау* ‘делать’, *тегү* ‘шить’, *кору*, *салу* ‘строить’, *чигү* ‘вышивать, расшивать’, *үрү* ‘плести, сплести, вить’, *көрәү* ‘грести, разгрести’, *бәйләү* ‘вязать, завязать, привязывать, шнуровать’, *казу* ‘копать, раскапывать, раскопать, рыть’, *тырмалау* ‘бороновать, грести, сгрести’, *себерү* ‘мести, подметать’ и так далее, характеризующие ситуации, в которых создаются различные объекты при помощи специальных приспособлений, инструментов.

Основные свойства глаголов созидания рассматриваются в работах Ю.Д. Апресяна, Ф.А. Ганиева, М.Г. Усмановой, В.А. Ямшановой. В частности, М.Г. Усманова отмечает, что подгруппу глаголов созидания составляют глаголы, “обозначающие прямое воздействие на объект с положительной целью, конечным результатом которого является появление нового объекта”¹³.

Глаголы созидания, прежде всего, функционируют в речи как двухвалентные глаголы, указывающие на деятеля и объект воздействия: *Колхоз (2° – Obj) төзедек.* (Г. Ахунов) – ‘Построили колхоз’. Реже встречаются валентностные варианты, включающие в свою структуру факультативные актанты инструмента и средства, или же одновременное употребление последних. Глаголам созидания ставятся в соответствие следующие семантические конструкции: 1) $S^1_{Б.к.} S^2_{Б.к.} V$, $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} V \sim$ *колхоз төзедек* ‘построили колхоз’, *юл салдылар* ‘дороги построили’; *жәйне тегү* ‘пришить рукав’; 2) $S^1_{Б.к.} S^2_{Б.к.} S^3_{Ч.к.} V \sim$ (*шулардан*) *бөккәннәр пешерү* ‘испечь из этого пирожки’; *күлмәкне (сатиннан) тегү* ‘шить платье из сатина’; 3) $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} S^3_{Ч.к.} S^4_{У.-в.к.} S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} S^3_{Б.к.} белән S^4_{У.-в.к.} \sim$ *күлмәкне (ефәк жәптән) (машинада) бәйләү* ‘связать платье из шелковых ниток на машине’, *жәйне (кара жәп белән) (машинада) тегү* ‘пришить рукав черными нитками на машине’.

В татарском языке некоторые глаголы целесообразной деятельности (*көрәү* ‘грести, разгрести’, *тырмалау* ‘бороновать’, *казу* ‘копать’, *себерү* ‘мести, подметать’, *тимерләү* ‘оковывать железом’, *дагалау* ‘подковывать’), содержащие в своей семантике включенные аргументы, характеризуются признаком несоответствия содержательной валентности предиката формальной валентности глагола:

¹³ Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Уфа, 2002. – С. 15.

1) *Көрәкләп түгел, орлыкларны* (2° – Obj) *чәчен тырмалаячаклар*₃ (3° – Instr). (Ә. Баянов) – ‘Семена будут не лопатой закапывать, а, высеивая, граблями боронить’.

2) *Кай көннәрне бер караңгыдан икенче караңгыга чаклы тимерчелектә үткәрәм: арбалар* (2° – Obj) *тимерлим*₃ (3° – Instr), *каналар* (2° – Obj) *табанлыйм*₃ (3° – Instr), *сабаннар, йозаклар төзәтәм, атлар* (2° – Obj) *дагалыйм*₃ (3° – Instr) – *кыскасы, авыл тимерчесе нәрсә эшләсә, барысын да эшлим.* (А. Шамов) – ‘Некоторые дни от зари до зари провожу в кузнице: телеги оковываю железом, подковываю сани, ремонтирую замки, плуги, лошадей подковываю – короче, делаю все, что выполняет деревенский кузнец’.

С другой стороны, возможно увеличение валентности глагола по сравнению с валентностью предиката (*чигү чигү* ‘вышивать’, *урак уру* ‘жать’, *тырма тырмалау* ‘бороновать’, *сука сукалау* ‘пахать’, *тегү тегү* ‘шить’, *бура бурау* ‘рубить избу’): *Үзе* (1° – Sub) *көнне төнгә ялгап колхозда эшләде, өстәвенә әнисеннән өйрәнеп калган һөнәре дә бик ярап куйды, тегү текте*₁ (2° – Obj). (Б. Камалов) – ‘Сама дни и ночи напролет работала в колхозе, вдобавокгодились еще и навыки ремесла, которому успела выучиться у матери: она шила’.

В татарском языке синтетическими маркерами каузатива являются аффиксы понудительности *-т-, -тыр-/-тер-, -дыр-/-дер-*. Например, в предложении ‘*Бала чактан миннән, чыбык белән кыйный-кыйный, сука сукалатканнар*’. (Г. Әпсәләмов) – ‘С детства меня, подхлестывая хворостинкой, заставляли пахать землю’ каузативный глагол *сукалатканнар*, образованный с помощью внешнего маркера *-т-* имеет две содержательно-обязательные валентности 1° – Sub (*[алар]* ‘они’), 2° – Contrag (*миннән* ‘меня’) и одну формальную объектную валентность (*сука* ‘землю’).

Данная группа глаголов чаще всего сочетается с распространителем, который указывает на время: *Заманында (с. вр.) Лондоннан да өстенрәк булган шәһәр төзегәннәр.* (Ә. Баянов) – ‘В свое время они строили города лучше, чем Лондон’.

В качестве распространителей могут выступать также цель или образ действия:

1) *Аңлашылмауны хәл кылу өчен (с. ц.) махсус комиссия төзелде.* (М. Әмир) – ‘С целью уточнения некоторых вопросов была создана специальная комиссия’.

2) *Ул шул ук кәеф белән (с. обр. д.) туй ашларын пешерде.* (Г. Исхакый) – ‘Она с таким же настроением готовила свадебные блюда’.

Отсутствие факультативных актантов обуславливает увеличение количества распространителей. Использование пассивного залога делает возможным такую структуру предложения, в которой отсутствуют актанты и имеются лишь распространители: *Алар [келәтләр] яңадан әсанлана башлаганнар, алар ишеге төбенә (с. м.) хәзер (с. вр.), яңа сукмаклар, яңа юллар салына*₁. (А. Шамов) – ‘Они [амбары] снова начали наполняться жизнью,

перед их дверьми сейчас прокладываются новые тропинки, строятся новые дороги'. В данном примере одновалентный субъектный глагол страдательного залога *салына*₁ употреблен с сирконстантами места (*ишеге төбенә*) и времени (*хәзер*).

Раздел 3.4 “Валентностная структура глаголов разрушительного действия в татарском языке”.

В татарском языке к этой группе глаголов относятся глаголы, имеющие в своем значении уничтожение одушевленного предмета (*юкка чыгару*, *бетеру* ‘истребить’; *буу* ‘задушить’; *сую* ‘зарезать’; *ату* ‘расстрелять’; *агулау* ‘отравить’; *батыру* ‘утопить’ и другие; базовый глагол – *үтерү* ‘убивать’) и неодушевленного предмета (*вату* ‘разбивать, сломать, разрушать’; *туздыру* ‘развезать, разносить, разгромить’; *чәчрәтү* ‘разбрызгивать’; *җимерү* ‘разрушать, распарывать, разобрать’; *яндыру* ‘сжигать, поджигать, палить’; *ягу* ‘топить, затопить, зажигать’; *сүндерү* ‘потушить, гасить, заглушить, выключить’; *ерту* ‘рвать, разрывать’; *кисү* ‘резать, разрезать’; *кадау*, *турау*, *яру*, *чоку*, *өзү* ‘рвать, оборвать, разрывать’; *сындыру* ‘ломать, сломать, переломать’; *изү* ‘мять, размять, давить, месить’; *төю* ‘толочь, растолочь, утрамбовать’; *сыту* ‘давить, раздавить’, *бүлү* ‘делить, разделить’).

Данный класс глаголов репрезентирует два основных валентностных варианта:

1) “субъект – объект”: *Бабасы* (1° – Sub) *үзенең аксаган атын* (2° – Obj) *суйды*₂. (Ә. Фәйзи) – ‘Дед зарезал свою хромавшую лошадь’; *Хәтта мичләрен дә иштек, казанын* (2° – Obj) *да ваттык*₂. (А. Шамов) – ‘Даже печи разрушили, котел разбили’;

2) “субъект – (инструмент/средство) – объект”: *Илгә иминлек килеп, тыныч көннәр урнашкач, Әгерҗе Пәнҗәр төбәкләрендә жир төзүче булып эшләгәндә Айдаровны* (2° – Obj) *кулаклар* (1° – Sub) *сәнәк белән* (3° – Instr) *чә-нечтеләр*₂₊₍₁₎. (Г. Ахунов) – ‘Когда в стране установились мир и благополучие, Айдарова кулаки закололи вилами’.

Встречаются случаи реализации глаголом *ату* ‘стрелять’ конъюнктивной валентности, включающей в себя значение инструмента и средства: *Шәһәргә* (2° – Obj) *ракеталардан* (3° – Med + 4° – Instr) *аталар*₂₊₍₂₎. – ‘Обстреливают город ракетами’.

В татарском языке слова, сочетающиеся с глаголом *ату* и обозначающие объектную валентность, выражаются в форме *S*_{Ю. к.}, независимо от цели поражения (передвигающаяся цель или неподвижная, точечная или не точечная): *мишеньгә ату* ‘стрелять по мишени’; *вагоннарга ату* ‘стрелять по вагонам’. Если глагол выражает действие, которое влечет за собой смерть объекта, то объектная валентность выражается формой *S*_{Б. к.} или *S*_{Т. к.}:

1) *Землемер ике үрдәк атты, бу – берне; ләкин моның атканы әллә кая камышлар арасына төшеп югалды* (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, т. 1,

1977 : 85). – ‘Землемер пристрелил двух уток, этот – одну, но его добыча упала и потерялась где-то в камышах’.

2) Урман караучы куяны атып үтерде. (Русско-татарский словарь словосочетаний для учащихся, 2002 : 385). – ‘Лесник пристрелил зайца’.

В редких случаях глаголы данного микрополя выражаются как одновалентные субъектные глаголы:

1) Бер генә минутка да тынмыйча артиллерия, минометлар (1° – Sub) ата₁. (Г. Әпсәләмов) – ‘Не затихая ни на минуту, стреляет артиллерия, минометы’.

2) ‘Тәрәзәнең бер өлгесе (1° – Sub) ватылды₁’ (Г. Ибраһимов) – ‘Разбилось одно звено окна’.

Как видим, в вышеприведенном предложении глагол **вату** становится одновалентным, субъектным при употреблении его в форме страдательного залога с аффиксом *-ыл, -ел*. У таких глаголов, как *кисү, өзү, ерту, сындыру, бүлү* содержательно-факультативным является указание на части, на которые разделяется объект: *Сугышчының маскхалаты салкынга эленгән юеш кер кебек каткан, теләсәң аны* (2° – Obj), *юка тактаны сындырган кебек, вак-вак кисәкләргә* (3° – Recip) *сындыргаларга*₂₊₍₁₎ *да мөмкин*. (Г. Әпсәләмов) – ‘Маскхалат солдата затвердел, как мокрое белье, повешенное на холод; при желании его можно разломать на мелкие-мелкие кусочки, как тонкую дощечку’.

Среди глаголов разрушительного действия выделяются глаголы, выражающие действия, направленные на объект с целью изменения его формы с типовой семантикой “изменить внешний вид”: *сыту* ‘давить, раздавить’; *сыгу* ‘жать, отжимать, наклонять, гнуть’; *бөгү* ‘подгибать, загибать’; *изү* ‘мять, размять, давить, месить’; *төю* ‘толочь, растолочь, утрамбовать’.

Кроме субъекта, объекта, инструмента, у этих глаголов наличествуют также актанты, обозначающие способ действия. В предложении *Итәкне кулдан бөгәләр*. – ‘Юбку подгибают от руки’ глагол *бөгәләр*₂₊₍₁₎ ‘подгибают’ представляет собой трехвалентный глагол с обязательными актантами (1° – Sub ([Алар] ‘Они’), 2° – Obj (*итәкне* ‘юбку’), а также содержательно-факультативную валентность способа действия (3° – Mod (*кулдан* ‘от руки’)). В официальном, профессиональном дискурсе способ действия принято считать актантом.

На периферии глаголов разрушительного действия находятся глаголы, имеющие дифференциальный признак “изменяя, переводить в другое состояние”: *яндыру* ‘сжигать, поджигать, палить’; *ягу* ‘топить, затопить, зажигать’; *эрү* ‘таять’; *киперү* ‘сушить’, *корыту* ‘сушить, вытирать’; *сүндерү* ‘гасить, тушить’. Как правило, глаголы изменения физических свойств не имеют других актантов помимо субъекта: *Кама иделендә “Ваня-коммунист” пароходы* (1° – Sub) *яна*₁. (Г. Ахунов). ‘На реке Каме горит пароход “Ваня-коммунист”’. Объектный тип глаголов изменения физических свойств обычно выражается в речи в виде двухвалентного глагола с

обязательным субъектом и объектом: *Байтак саламны* (2° – Obj) *яндырды*₂ *ул* (1° – Sub). (Н. Исәнбәт) – ‘Немало соломы сжег он’.

Как правило, в речи реализуется лишь один факультативный актант, обозначающий либо инструмент, либо средство, либо способ действия (ситуация дизъюнкции валентностей). В предложении *Газинур, бозланып ябышкан керфекләрен бармагы белән эретен*₂₊₍₁₎, *күзен ачты*. (Г. Әпсәләмов) – ‘Газинур, разлепив пальцем обледеневшие слипшиеся ресницы, открыл глаза’ глагол *эретен* реализует два обязательных актанта (1° – Sub (*Газинур*), 2° – Obj (*керфекләрен ‘ресницы’*)) и факультативный актант инструмента Instr (*бармагы белән ‘пальцем’*), являющийся частью тела человека. Изредка встречаются случаи одновременной реализации двух актантов, обозначающих валентности способа действия и локативную валентность: *Тыштан утын ваклап кертә, чыра телеп мичкә яга*₂₊₍₂₎, *самавыр куя, аш пешерә, өч баш сарыкны өйгә кертә, он сипкән, тоз сипкән, жылы су эчерә, бәкәйләре имеп туйгач, абзарга чыгарып яба, асларын тазарта, салам кәлтәли*. (Ш. Маннур) – ‘Нарубив дров, приносит их со двора, нащипав лучины, топит печку, ставит самовар, варит суп, приводит домой трех овец, поит их размешанной в теплой подсоленной воде мукой, а когда ягнята насытятся, запирает их в сарае, чистит под ними, подкладывает солому’. Четырехвалентный глагол *яга*₂₊₍₂₎ ‘топит’ сочетается с двумя обязательными актантами: 1° – Sub ([ул] ‘он’), 2° – Obj (*утын ‘дрова’*) и с двумя содержательно-факультативными аргументами (способа действия и места): 3° – Mod (*чыра телеп ‘нащипав лучины’*) и 4° – Loc (*мичкә ‘печку’*).

Итак, глаголам разрушительного действия татарского языка соответствуют основные сочетаемостные формулы: 1) $S^1_{Б.к.} V \sim$ артиллерия ата ‘артиллерия стреляет’; 2) $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} V \sim$ алар йортны сүтәләр ‘они разбирают дом’; 3) $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} S^3_{Б.к.} белән V \sim$ алар бозны лом белән ваталар ‘они колют лед ломом’; 4) $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} S^3_{Ю.к.} V \sim$ алар сызыкларны өлешләргә бүләләр ‘они линии делят на части’; 5) $S^1_{Б.к.} S^2_{Т.к.} S^3_{Ч.к.} V \sim$ итәкне кулдан бөгү ‘подгибать от руки юбку’.

Наиболее часто при глаголах разрушительного действия встречаются сирконстанты цели в виде зависимого предложения: *Адамне түгел, үз өстенә килә торган улемне үтерәм дип (с. и.) ата*₂ *ул*. (Ш. Маннур) – ‘Он стреляет с целью убить не человека, а смерть, идущую ему навстречу’ или в виде словосочетаний, содержащих имя действия: *Колчаклылар елга кичү өчен (с. и.) файдаланырлык бар нәрсәне жиимерделәр*₂. (Г. Миңнуллин) – ‘Колчаковцы разрушили все, что можно было использовать для преодоления реки вброд’.

В татарском традиционном синтаксисе сентенциальные предложения получили широкое распространение благодаря большому разнообразию синтетических придаточных предложений, отсутствующих в русском языке.

Раздел 3.5 “Валентностная структура глаголов воздействий, вызывающих изменения в объектах”.

В данное микрополе входят глаголы, которые нельзя отнести ни к группе разрушительного, ни к группе созидательного действия: бизәү ‘украшать’, матурлау ‘украшать’, чистарту ‘чистить’, юу ‘мыть’, сөртү ‘вытирать’, буяу ‘красить’ и другие. Ядерным глаголом данной группы является глагол үзгәртү ‘изменять’. Рассматриваемые глаголы выражают действия, вызывающие изменения в самой структуре объектов. Микрополе глаголов физического воздействия на объект, в отличие от других тематических групп, представлен только объектными глаголами.

Основная валентностная структура данных глаголов представлена объектными глаголами:

1) “субъект – объект”: *Мәликә* (1° – Sub) *альяпкыч итәген күтәрәп ашыкпошык күз яшьларен* (2° – Obj) *сөртте*₂. (Н. Гыйматдинова) – ‘Малика, подняв подол фартука, поспешно вытерла слезы’;

2) “субъект – (средство) – объект”: *Ул* (1° – Sub) *биген* (2° – Obj) *сабын белән* (3° – Med) *юды*₂₊₍₁₎. – ‘Он вымыл лицо с мылом’.

Как видно из последнего примера, глаголы данной группы, в отличие от глаголов разрушительного и созидательного действия, чаще реализуют валентность средства. В татарском языке валентностью средства обладают лексемы, обозначающие украшающие элементы – Med: *йолдызлар белән* ‘звездами’; *ай һәм хисапсыз күп йолдызлар белән* ‘луной и бесчисленным количеством звезд’, *кар бөртекләре белән* ‘снежинками’.

Каузативный глагол *юдыртты* ‘попросила постирать’, образованный с помощью двух внешних маркеров -дыр-, -т-, является четырехвалентным: *Әбисе керне әнисе аша оныгыннан юдыртты*₄. – ‘Бабушка через маму попросила внучку постирать белье’. Глагол *юдыртты* реализует четыре актанта: 1° (субъект) – Sub (*әбисе*), 2° (объект) – Obj (*керне*), 3° (контрагент) – Contr (*оныгыннан*), 4° (посредник) – Via (*әнисе аша*).

Для глаголов, характеризующих воздействия на объекты, наиболее типичны сирконстанты с семантикой образа действия: *Берәүләр ясаган рәсемнәрен резинка белән выжылдатып бозалар, икенчеләре сугышка кадәр үк алынган буяу карандашының калдыгын тел очына тидерә-тидерә буйыйлар* (с. обр. д.). (М. Мәһдиев) – ‘Одни свои рисунки резинкой стирают со свистом, другие закрашивают рисунки, касаясь кончиком языка остатков карандаша, приобретенного еще до войны’.

Характерной чертой глаголов данной подгруппы является сочетание одновременно с двумя, а то и с тремя сирконстантами: *Ул мунчаның идәнене юйп кайтышлы (с. вр.), йорт уртасында, яшел чирәм өстендә (с. м.), ялан аяк көенчә (с. обр. д.), чиләкләр, савытлар юа иде*₂. (Г. Исхакый) – ‘Вымыв полы в бане на обратном пути, стоя босиком на зеленой траве посреди двора, она мыла посуду, ведра’.

предложение было взято из произведений Г. Исхакый, писателя начала XX века.

Раздел 3.6 “Валентностная структура глаголов физиологического действия”.

В данное семантическое поле входят глаголы: *ашау* ‘есть’, *эчу* ‘пить’, *йоту* ‘глотать’, *чэйнэу* ‘жевать’ и другие. Ядерным глаголом является глагол *ашау* ‘есть’. Глаголы физиологического действия могут реализовываться в речи в абсолютном смысле как содержательно одновалентные: *Ул эчә*₁ – ‘Он пьет’; *Ул ашый башлады*₁ – ‘Он начал есть’. Но основную валентностную структуру составляют объектные глаголы. На примере глагола *эчу* можно проследить динамику образования новой валентности в татарском языке. В основном валентностном варианте глагол *эчә* выступает как двухвалентный глагол с факультативным объектом действия. Глагол *эчу* становится трехвалентным, если образовать новую форму каузатива с помощью аффикса понудительности *-ер-*: *Аңа* (3° – Recip) *аракы дип сү* (2° – Obj) *эчерәләр*_з. (Г. Ибраһимов) – ‘Ему под видом водки дают воду’. В свою очередь глагол *эчерү* ‘поить’ становится четырехвалентным, если реализует валентность средства или инструмента: *Гарифә* (1° – Sub) *алачыктан утлы көл өстендә генә пешергән куге чэй китереп, чынаягына карлыган кагы салып, шуны* (2° – Obj) *сыек бал белән* (4° – Med) *генә аңа* (3° – Recip) *эчерде*_{з+(1)}. (Ә. Еники) – ‘Гарифа, вскипятив крепкий чай на горящих углях в хибарке, налив в чашку, добавив туда жидкий мед и смородиновую пастилу, напоила ее [бабушку] этим напитком’.

В обоих случаях вышеназванные глаголы представляют собой понудительные формы переходных глаголов, выражающих собственно понудительное значение.

В профессиональных текстах способ действия (*Mod*) из распространителей переходит в разряд содержательно-факультативных актантов: *Кабартманы майлап кайнар килеш ашаганнар*₂₊₍₁₎. (Р. Камалова) – ‘Пончики ели горячими, обмакнув в масле’. Глагол *ашаганнар* ‘ели’ в рассматриваемом примере реализует факультативный актант способа действия (*Mod*) – *кайнар килеш* ‘в горячем виде’.

Среди сирконстантов глаголов физиологического действия наибольшее распространение получили сирконстанты с семантикой времени и места.

Раздел 3.7 “Валентностная структура глаголов творческой деятельности”.

В татарском языке рассматриваемое микрополе составляют следующие глаголы: *уку* ‘читать, учиться’, *ясау* ‘делать, изготовить, образовать’, *уйнау* ‘играть’, *язу* ‘писать’, *ижәт итү* ‘творить’, *тикшеренү* ‘исследовать’, *импровизацияләү* ‘импровизировать’, *конструкцияләү* ‘конструировать’, *проектлаштыру*, *проект төзү* ‘проектировать’, *ижәт итү* ‘сочинять’, *тикшеренү* ‘исследовать’.

Данные глаголы чаще всего сочетаются с тремя актантами (1° – Sub, 2° – Obj, 3° – Adres): *Алар, таң атканчы утырып, бүрэнэләрне ташырга ат сорап, правлениегә озын итеп гариза яздылар.* (Р. Тәхфәтуллин) – ‘Они, просидев до зари, написали длинное заявление, в котором просили выделить лошадь для перевозки бревен’.

В этой группе интерес представляет каузативный глагол *яздыртты* – ‘попросил написать’, образованный с помощью двух внешних маркеров: *-дыр-*, *-т-*. Он является четырехвалентным: *Әби оныгына Илдардан хат яздыртты.* – ‘Бабушка попросила Ильдара написать письмо внуку’. Глагол *яздыртты* реализует четыре актанта: 1°(субъект) – Sub (*әби*), 2°(объект) – Obj (*хат*), 3°(контрагент) – Contr (Илдардан), 4°(адресат) – Adres (*оныгына*). В этом случае рассматриваемый глагол выражает собственно понудительное значение и представляет собой осложненную форму понудительности. Второй аффикс понудительности *-т-* подчеркивает и усиливает значение понуждения¹⁴.

Как и многие остальные группы глаголов, данное микрополе употребляется чаще всего с сирконстантами образа действия: *Тарихи чыганаclar шуны ачык (с. обр. д.) тасвирлый.* (Р. Галләмов) – ‘Исторические источники это открыто освещают’. Как правило, одновременное употребление сирконстантов различных значений встречается у одновалентных субъектных глаголов: *Ул бит үзе дә унны тәмамлагач заводка токарь булып эшкә керү турында хыяллана, ә кичләрен (с.вр.) университеткамы анда, кайда да булса, математика факультетына керү өчен(с.и.) хәзерлек курсында(с.м.) укырмын дип уйлый.* (Р. Ишморатова) – ‘Он ведь и сам мечтает после окончания школы поступить на завод токарем, а вечерами он задумал учиться на подготовительных курсах для поступления на математический факультет университета или другого какого-нибудь вуза’. Таким образом, глаголы творческой деятельности отличаются большим разнообразием различных комбинаций сирконстантов.

В заключении на основе результатов, полученных в ходе исследования, можно прийти к следующим выводам:

1. Валентность суть синтаксическое явление, локализованное на уровне членов предложения и широко мотивированное семантически. В модель валентности, в отличие от управления, включаются субъект и придаточные предложения.

2. Авалентные глаголы в татарском языке встречаются в безличных предложениях, обусловленных отсутствием личных форм у глагола, или в двучленных предложениях, выражающих целостные события. В татарском языке пассивную валентность обычно имеют страдательные формы глаголов, а второй актанта сопровождается послелогом *тарафыннан*, *белән*. В татарском

¹⁴ Татарская грамматика. Т. II. Морфология/редакционная коллегия: М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 183.

языке симметричные предикаты маркируются специальными аффиксами, соответствующими взаимно-совместному залогу: *-и-* (*-ыш-/-еш*).

3. Среди глаголов движения в татарском языке одновалентную структуру репрезентируют лишь глаголы движения с общим значением (в переносном смысле либо в абсолютном употреблении): *S_{Б.к.} V ~ трамвай йөри; гомер уза*. Остальные же подгруппы глаголов движения одновалентными являются лишь на поверхностном уровне. Глаголы направленного движения и способов движения в татарском языке, как и в других языках, чаще всего бывают трехвалентными; несколько реже встречаются четырехвалентные (субъект + 3 пространственных актанта) и пятивалентные глаголы (субъект, пространственные актанты + факультативная валентность инструмента). При этом высока активность реализации актанта, называющего конечную точку движения и имеющего в татарском языке сложную семантику. При обозначении категории направления наблюдаются различия в языках. В татарском языке пространственные актанты конечной и начальной точек бывают выражены в исходном, направительном падежах с послелогоми и послеложными словами (*буена, таба 'к', каршы 'навстречу', кадәр, хәтле 'до', чаклы 'до', алдына 'перед', артыннан 'из-за', артына 'за', эченә 'в', эченнән 'из', астына 'под', астыннан 'из-под'*), а промежуточная точка движения сочетается с послелогоми и послеложными словами (*аша, буенча, буйлап*). Интерес в татарском языке представляет актант, указывающий на маршрут движения (*Itin*), выраженный в предложениях словосочетаниями типа “местоимение, существительное в именительном падеже + послеложное слово (*артыннан, алдыннан*)”. Для глаголов направленного движения основным распространителем является распространитель, обозначающий время. Для микрополя глаголов способов движения и движения с общим значением наиболее типичны распространители образа действия, так как в татарском языке имеется огромное количество лексем, содержащих описание особенностей движения, способа перемещения. У глаголов движения отсутствуют сирконстанты места: обстоятельства места реализуются пространственными актантами, что еще раз подтверждает несоответствие членов предложения в синтаксисе актантам, сирконстантам в теории валентности.

4. Глаголы действия вообще чаще всего являются одновалентными, субъектными глаголами. Остальные группы глаголов действия реализуются как одновалентные лишь в случае употребления в абсолютном смысле. Глаголы действия в татарском языке становятся одновалентными в случае употребления в форме страдательного залога с аффиксами *-ыл, -ел, -ын, -ен, -н*. Глаголы созидания и разрушительного действия в татарском языке (как и в других языках) репрезентируют две основные валентностные структуры: “субъект – объект” и “субъект – (инструмент/средство) – объект”. В татарском языке в глаголах *көрәү, себерү, тырмалау* один из аргументов включен в семантику глагола, и здесь наблюдается увеличение содержательной валентности предиката по сравнению с валентностью глагола. С другой стороны, возможно

увеличение валентности глагола по сравнению с валентностью предиката (*урак уру, тегү тегү, сука сукалау, бура бурау*). Отмечены случаи реализации глаголами разрушительного действия конъюнктивной валентности, включающей в себя значение инструмента и средства. В татарском языке слова, сочетающиеся с глаголом *ату* и обозначающие объектную валентность, выражаются в форме $S_{Ю.к.}$, независимо от цели поражения (передвигающаяся цель или неподвижная, точечная или не точечная). Если глагол выражает действие, которое влечет за собой смерть объекта, то объектная валентность выражается формой $S_{Б.к.}$ или $S_{Т.к.}$.

Глаголы изменения формы в татарском языке кроме субъекта, объекта, инструмента, в зависимости от своей семантики могут иметь также актанты, обозначающие способ действия (в профессиональных текстах), указание на части. Глаголы физического воздействия на объект *юу, бизәү, матурлау, юу, сөртү* в отличие от других групп представлены только объектными глаголами. Лексемы, употребляемые с данными глаголами, обозначая украшающие элементы, реализуют валентность средства *Med* (*йолдызлар белән, кар бөртекләре белән*). При реализации актанта инструмента в глаголах действия может наблюдаться раздвоение субъекта. У объектных глаголов творческой деятельности отмечены и случаи реализации факультативного актанта адресата. Образование новой валентности в татарском языке наиболее ярко представлено в глаголах действия, отличающихся большим разнообразием каузативных структур и образованных с помощью понудительного залога. Присутствие синтетических маркеров *-т, -тыр, -тер, -дыр, -дер* предполагает обязательное участие, кроме субъекта и объекта, актантов посредника и контрагента, в некоторых случаях получателя. Для глаголов действия наиболее характерны сирконстанты образа действия, места, времени. Глаголы разрушительного действия также активно употребляются с сирконстантами цели и причины, а глаголы созидания – с распространителями цели. Использование пассивного залога в татарском языке делает возможным такую структуру предложения, в котором отсутствуют актанты и имеются лишь распространители. В татарском традиционном синтаксисе сентенциальные предложения получили широкое распространение благодаря большому разнообразию синтетических придаточных предложений, отсутствующих в русском языке. Например, при глаголах разрушительного действия наиболее часто встречаются сирконстанты в виде зависимого предложения. В ходе исследования установлено, что доля одновременной реализации сирконстантов в произведениях писателей начала XX века больше, чем у авторов более позднего времени. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что язык художественных произведений татарских писателей периода ренессанса отличался образным мышлением, изобилием различных художественно-образительных средств.

Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть продолжены в плане изучения валентностной структуры остальных тематических групп

глаголов, рассмотрения валентности глаголов в соотношении с их временными категориями, сложными аналитическими структурами, анализа валентностной структуры других частей речи татарского языка (имен существительных, прилагательных, наречий и так далее).

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Садыкова Р.З.* Валентность глаголов движения в татарском языке / Р.З. Садыкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – № 9. – Челябинск, 2009. – С. 290–297.

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов:

2. *Садыкова Р.З.* Валентностные варианты глаголов конкретного действия в татарском языке // Альманах современной науки и образования. №2 (21): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3-х ч. Ч. 3. / Р.З. Садыкова. – Тамбов: Грамота, 2009. – С. 157–158.

3. *Садыкова Р.З.* Валентностные варианты глаголов разрушительного действия в татарском языке / Р.З. Садыкова // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Сб. материалов Междунар. тюркологической конф., посвящ. памяти проф. Казан. ун-та Д.Г. Тумашевой (21–24 октября 2011 года) / Под ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2011. – С. 251–253.

4. *Садыкова Р.З.* Валентностные варианты глаголов уничтожения в татарском языке / Р.З. Садыкова // Инновационное развитие агропромышленного комплекса: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Часть 1. – Казань: Изд-во Казанского ГАУ, 2011. – С. 458–462.

5. *Садыкова Р.З.* Валентность глагола / Р.З. Садыкова // Мәгариф. – 2008. – №9. – С. 93–94.

6. *Садыкова Р.З.* Валентность глаголов направленного движения в татарском языке / Р.З. Садыкова // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: Сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (27–28 февраля 2009 года) / Отв. ред. А.П. Хузатай. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 100–101.

Подписано в печать 21.03.2013 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,75

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18-09